

тайны.

– Она все еще там? – спросил принц.

И когда кравчий все ему рассказал, он очень огорчился тем, что попытка его не удалась; это ведь было последнее средство, и больше надеяться уже ни на что не приходилось. И, видя, что он ничего не может поделать с Франсуазой, принц все-таки стал снова разыскивать ее и в конце концов нашел в одном обществе, где она уже не могла от него скрыться. Он очень рассердился на нее за то, что она была с ним так сурова и так неожиданно уехала от родных. Она же ответила, что для нее нельзя было сыскать более опасного и дурного места, чем этот дом, и что он должен быть премного обязан своему кравчему, если гот не только служит ему верой и правдой, но способен ради него поступиться и душою и совестью: Когда принц понял, что никакими средствами он от нее ничего не добьется, он решил прекратить свои домогательства и до конца дней продолжал относиться к ней с глубоким уважением. Один из слуг этого принца, видя, сколь целомудренна эта девушка, решил жениться на ней. Но она никак не соглашалась на этот брак, пока не испросила позволения принца, которого почитала, и дала это понять тому, кто добивался ее руки. И тогда с соизволения своего господина она вышла за этого слугу замуж и достойно прожила с ним до конца жизни. Принц же оказал ей впоследствии немало благодеяний.

– Что же нам на это сказать, благородные дамы? Неужели сами мы столь низки душою, что слуги наши оказываются выше нас, – ведь перед той, о которой я рассказала, бессильны были и любовь и страдание. Давайте же следовать ее примеру и победим самих себя, ибо это самая славная победа, какую мы можем одержать.

– Мне жаль только, – сказала Уазиль, – что эта добродетельная девушка не жила во времена римских историков, ибо те из них, которые так расхваливали свою Лукрецию,³⁵⁷ совсем бы позабыли о ней и стали бы описывать достоинства этой девушки.

– Достоинства эти действительно так велики, что мне трудно было бы в них поверить, если бы мы не поклялись говорить здесь одну только правду, – сказал Иркиан, – но тем не менее я не считаю, что девушка эта столь уж добродетельна, как вы ее изображаете. Вам ведь несомненно приходилось видеть людей больных, которые отказываются от вкусной и здоровой пищи, предпочитая ей дурную и вредную. Может быть, и у этой девушки был какой-нибудь друг из людей ее звания и она поэтому могла пренебречь самой высокой знатностью.

На это Парламанта ответила, что жизнь и смерть этой праведницы показывают, что она никогда не питала никаких чувств ни к кому, кроме того, кого любила превыше жизни, но все же меньше, чем свою честь.

– Выкиньте это из головы, – сказал Сафредан, – подумайте лучше, с чего начались все эти разговоры о женской чести. Очень может быть, что женщины, которые столько об этом говорят, даже не представляют себе, откуда взялось это слово. Знайте же, что вначале, когда мужчины были не столь порочны, как ныне, любовь была такой простодушной и сильной, что не допускала никакого притворства и больше всего похвал доставалось на долю того, чья любовь более совершенна. Но когда жадность и грех опутали сердце и разум, они изгнали оттуда бога и любовь, и место их заняли себялюбие, лицемерие и притворство. И так как многие дамы стыдятся выказать свою истинную любовь, а также оттого, что само слово *лицемерие* всем ненавистно, лицемерие стали называть честью. Вот почему и те дамы, в сердце которых не было места настоящей любви, стали говорить, что по-настоящему полюбить им запрещает честь. И они возвели эту честь в столь жестокий закон, что большинство их, те, которые действительно любят совершенной любовью, стали скрывать свое чувство и считать добродетель пороком. Но женщина здравомыслящая и благоразумная никогда не совершит подобной ошибки, ибо умеет отличить мрак от света и понимает, что настоящая честь заключается в любви и в том, чтобы сердце жило этой любовью, а не кичилось тем, что умеет ее скрывать, – то есть притворством своим, которое само по себе уже есть порок.

– Тем не менее принято говорить, что чем более скрыта любовь, тем большей она заслуживает похвалы, – сказал Дагусен.

– Да, скрыта от глаз тех, кто может плохо о ней подумать, – сказал Симонто, – но она должна

³⁵⁷ *Лукреция* – героиня истории Древнего Рима, о которой рассказывает, в частности, Тит Ливий. Ею обманом овладел Секст Тарквиний, сын царя Тарквиния Гордого, и Лукреция, не перенеся позора, закололась кинжалом. Этот сюжет был очень популярен в эпоху Возрождения (обрабатывался Шекспиром и многими другими писателями).